

15. Grosfeld, L. Polska a stosunki niemiecko-sowieckie, 1918–1939. – Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. – 43 s.
16. Известия. – 5 апреля 1922. – № 77.
17. Известия. – 9 апреля 1922. – № 80.
18. Kumaniecki, J. Polski aspekt stosunkow radziecko-niemieckich w 1922 r. / J. Kumaniecki // Przegląd historyczny. – 1990. – Т. LXXXI, zeszyt 1–2.
19. Иоффе, А.А. От Генуи до Гааги. Сборник статей / А.А. Иоффе. – М.: Госиздат, 1923. – 43 с.
20. Mikulicz, S. Od Genui do Rapallo / S. Mikulicz. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. – 248 s.
21. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 5. – 807 с.
22. Kaminski, M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939. – Warszawa: Młodzieżowe Agencja Wydawnicza, 1987. – 120 s.
23. Любимов, Н.Н. Генуэзская конференция (воспоминания участников) / Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. – М.: Изд. ИМО, 1963.
24. Почс, К.Я. «Санитарный коридор»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма. (1921–1929 годы) / К.Я. Почс – Рига: Изд. «Зинатне», 1985. – 176 с.
25. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло: сборник документов; в 2 т. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
26. AAN. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 784.
27. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studzia i materialy. – 1966. – Т. 2.
28. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 446 с.

Материал поступил в редакцию 29.10.10

MEZGA N.N. Preparation Rapallskogo of the contract in a context Poland-Soviet-German of the attitudes

The course of the diplomatic struggle in Central-Eastern Europe at the end of 1921 – the beginning of 1922 is studied in the paper. The author showed that Soviet Russia wanted to create the most favorable conditions for the international isolation break before the Genoa conference. For this purpose it made diplomatic contacts with Germany and Poland more active. However the relations with Germany were more important for Moscow and the course of the negotiations with Poland depended on them. The tendency to the soviet-polish relations improvement in the spring of 1922 had no further development, though some objective preconditions existed. The result was the Rapallo agreement signing. It created a new international situation in the region. The Polish diplomacy anti-soviet political steps also contributed to such course of events.

УДК 947.084.8(476)(1-074)

Ипатова О.В.

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА БРЕСТЧИНЕ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И МЕДИЦИНЫ

Введение. Краеведческий характер исследования по заявленной теме – оккупационный режим на Брестчине – определяет актуальность выбранной темы для жителей Брестчины, что не исключает значимость поднимаемых нами вопросов и в общенациональном масштабе в связи с празднованием 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Великая Отечественная война является своего рода контрапунктом прошлого в исторической памяти белорусов, детерминантом создания военно-патриотических традиций нашего народа. Важность исторических традиций объясняется тем, что, зарождаясь в ходе развития общества, сами же это общество и формируют, способствуют становлению и единению нации, что актуально для молодого белорусского государства, ищущего и утверждающего своё национально «Я» не только в историческом прошлом, но и в настоящем для будущего белорусской нации.

Объектом изучения стали материалы фондов Государственного архива Брестской области, монографическая литература, содержащая различные подходы к освещению событий выбранного периода, а также воспоминания жителей Брестчины о тех годах. Это позволило включить в научный оборот новые сведения, документы, которые ранее не были опубликованы.

Предметом изучения в данной работе являются условия политической, социально-экономической и культурной жизни Брестчины в один из тяжелейших периодов её истории – во время немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. Изучены, в частности, такие вопросы, как экономика региона, состояние образования, культуры и медицинского обслуживания населения во время оккупационного режима.

Цель работы – найти новые и обобщить собранные сведения о жизни жителей Брестчины во время оккупации в 1941–1944 гг.: о состоянии экономики региона, об экономической политике оккупантов, о медицинском обслуживании населения, о политике оккупантов в области идеологии, культуры и образования, проводимой на Брестчине;

провести сравнительный анализ источников и выявить разногласия в использованной нами литературе и архивных материалах.

Большинство из имеющихся на сегодня сведений из научной, научно-популярной и учебной литературы, немногочисленных публикаций периодической печати и энциклопедических изданиях, посвящённых оккупационному режиму именно на территории Брестчины носят отрывочный, спорадичный и скудный характер. Многие опубликованные данные об оккупационном режиме и его последствиях – не согласованы. Автор данного исследования пытается обобщить и углубить знания об оккупационном режиме на территориях, относящихся на сегодняшний день к территории Брестской области.

Развитие политической, экономической, социально-культурной жизни Брестчины происходило в условиях жёсткого тотального контроля оккупационных властей в целях искоренения советско-большевистской «заразы» и насаждения национал-социалистической идеологии фашистов.

Приоритеты национальной политики немецко-фашистских оккупантов были конкретно определены: доминирование настоящих арийцев, онемечивание и эксплуатация некоторой части славянских народов, геноцид в отношении к «лишним» славянам.

Политика оккупантов в области экономики. Экономические и природные ресурсы захваченных регионов были объявлены собственностью Германии. Уже в январе 1942 г. была принята директива об обязательном восстановлении хозяйства. В первую очередь на Брестчине налаживалась деятельность энергетических предприятий, добыча торфа, заготовка древесины, ремонт дорог.

О сущности экономической политики в Восточной Европе можно судить по требованиям рейхсмаршала Г. Геринга к рейхскомиссарам в августе 1942 г.: «Вы направлены туда для того, чтобы работать на благосостояние нашего народа, а для этого необходимо забирать все возможное. При этом мне абсолютно все равно, если вы мне

Ипатова О.В., старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

скажете, что люди оккупированных областей умирают с голоду. Пусть умирают, лишь бы только были живы немцы. Я сделаю все – я заставлю выполнить поставки, которые на вас возлагаю, и если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при любых обстоятельствах вытрясут эти поставки» [1, 119].

В сельском хозяйстве на основе бывших колхозов и совхозов оккупанты организовывали так называемые «общинные хозяйства», государственные имения, земские дворы и мелкие предприятия.

В районе было три кирпичных завода, 6 гравийных карьеров и крупных торфоразработки. Сельское хозяйство Брестского района состояло из крестьянских хозяйств и созданных государственных имений. До конца 1941 г. было создано 46 государственных имений.

Домаческий район Брест-Литовского округа немцы рассматривали как источник обеспечения лесом, рыбой (в имении Страдичи разводили карпов) и хлебом. Немцы создали здесь 4 сельскохозяйственных имения, построили мыловарню.

В Мотыкальском районе было создано 12 государственных имений, но когда район был передан в январе 1942 г. Брестскому округу (раньше он относился к провинции Восточная Пруссия), все имения были уже разграблены. В районе были огромные сады, однако на 1942 г. большая часть деревьев вымерзла. Немецкие власти оборудовали в Мотыкальском районе самый большой в округе механизированный молочный завод, где всё оборудование было немецким. Этот завод каждый день перерабатывал до 5 000 литров молока.

Координацию выполнения оккупационных экономических планов осуществляли многочисленные конторы *центрального торгового общества «Восток»*, хозяйственные отделы комиссариатов и управ, а также биржи труда.

На оккупированных территориях появилось много фирм, концернов, хозяйственных команд, занимающихся реквизицией продукции, продовольствия, сырья и культурных ценностей. Вводилась обязательная трудовая повинность.

В ноябре – декабре 1941 г. в Брест-Литовском округе немцы создали отдел «Питания и сельского хозяйства» во главе с капитаном Фосбендаром. В состав отдела кроме гражданских лиц входило 11 солдат вермахта, которые занимали ответственные должности и отвечали за сельскохозяйственные поставки. С первых дней оккупации начался методический грабёж крестьянских хозяйств. Уже в сентябре 1941 г. немцы вывезли 4 453 667 т. зерна, 2 818 голов крупного рогатого скота, 3 603 овец, 1 244 553 л молока.

В 1942 г. было собрано и вывезено 9 844 500 т. зерна, 3 727 500 т сена, 19 846 голов крупной рогатой скотины, 4 170 свиней, 8 450 овец, 208 205 т рыбы и многое другое.

Несмотря на это, вывоз сельскохозяйственной продукции продолжался и в следующем году. До 20 марта 1944 г. было вывезено 11 620 570 т зерна, 1 795 493 т зерна, 14 864 головы крупного рогатого скота, 3 107 свиней, 4 652 овцы и др. [2, 180].

По данным Государственного архива Брестской области, немецко-фашистские захватчики отобрали у колхозов Брестской области 138 036 центнеров зерна, 12 473 центнера картофеля, 157 центнеров овощей, 5 192 головы крупного рогатого скота, 6 364 головы овец и коз, 4 006 свиней и 4 087 лошадей [3, Л. 6]. При анализе данных цифр следует иметь в виду, что не везде в Западной Беларуси были созданы колхозы, существовало много индивидуальных крестьянских хозяйств.

Сельское население неохотно платило налоги, у большинства крестьян их приходилось собирать силой. Налоги были неподъёмными. Налог за продажу хлеба составлял 525 руб. 90 коп. За разрешение заколоть скотину (кабана) нужно было заплатить 100 руб., за помол зерна – 3 руб. Специальные налоги вводились на ловлю рыбы, высечку леса и т.д. Чтобы продать продукты в город, требовалось специальное разрешение, а цены были значительно ниже себестоимости, т.к. горожане жили бедно, часто голодали. А уже 1943 г. голодало и сельское население, которое питалось только одной картошкой. Горожане получали мясо и хлеб по карточкам, но нерегулярно и низкого качества.

Имеется перечень розничных цен на сельскохозяйственную продукцию (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наименование продукта	Цена за центнер, руб.
Мука ржаная	160
Мука пшеничная	240
Пшено	190
Манная крупа	450
Кукурузная, овсяная	130
Перловая	280
Рис	550
Рожь	145
Овёс	85
Ячмень	90
Сыр	2150
Яйца (100 дес.)	450
Картофель	50
Капуста	80
Морковь, свекла	40
Говядина	1120
Свинина	1480
Сало шпиг	2650
Молоко литр	1,8

В Барановичском и Ганцевичском областных округах в начале оккупации натуральный налог составлял 3-4 центнера зерна с гектара, 350 л молока с каждой коровы, 100 кг свинины с одного двора, 35 яиц от каждой курицы, 6 кг птицы с двора, 1,5 кг шерсти с каждой овцы. Кроме основных взимался подушный налог: в среднем 100 руб. на человека. Налоги постоянно увеличивались [1, 119].

Самый большой доход немецкие власти имели с Брестского района: на март 1942 г. он состоял 95 000 немецких марок. Налоги с Мотыкальского района составляли 51 000 нем. марок, с Домачевского района – 50 000 немецких марок [2, 179].

Конечно, при таких объемах реквизиции и налогов население Брестчины голодало. Уже 1942 г. крестьяне не имели хлеба. В это же время в отчете окружного комиссара Брест-Литовска военно-продовольственная база в Бресте кормила коней пшеницей и рожью.

В ноябре 1942 г. для борьбы с партизанами были ликвидированы хуторы, а их население переселили в соседние деревни, строения спалили.

В декабре – феврале 1944 г. власти объявили эвакуацию Брест-Литовского округа. До 15 февраля 1944 г. все ценные машины, в т.ч. тракторы, запасы зерна, семена, молодые кобылицы были отправлены в рейх. Всего по округу было отправлено 138 вагонов, с вагонов на восток от Бреста – 173 вагона [2, 181].

Пришедшая к власти гражданская администрация, имевшая в своем распоряжении охранные подразделения и полицейский аппарат, понимала недостаточность устрашающе-упреждающих мер и с немецким педантизмом приступила к экономической и правовой регламентации всех сторон жизни. В распоряжении комиссара города (штадткомиссара) Брест-Литовска регулировались условия и оплата труда. Согласно распоряжению выделялись 6 групп работников. Включение в одну из групп зависело от рода деятельности. Установленная плата выплачивалась тем работникам, которые фактически выполняли свою работу в положенное время. При невыполнении условий могли снизить оплату. Устанавливалась следующая почасовая плата:

- практикант любого года обучения – 0,60 руб. в час;
 - неквалифицированный рабочий (подсобник) – 1 руб. в час;
 - полуквалифицированный рабочий – 1,20;
 - квалифицированный работник (ремесленник) – 1,7;
 - бригадир – 2,00;
 - мастер – 2,50;
- Также было установлено 5 групп служащих:
- торговые и технические работники, выполняющие обычную работу, например, регистратор канцелярии, продавец, технический чертёжник – от 130 до 220 руб. в месяц;

- торговые сотрудники, которые выполняют более сложную работу, например, бухгалтеры, кассиры, руководители средних торговых предприятий – от 220 до 350 руб. в месяц;
 - технические специалисты, выполняющие более сложную работу, которые имеют специальное образование, например, начальники стройки, фабричные инженеры, конструкторы – от 280 до 450 руб. в месяц;
 - технические и торговые руководители, которые выполняют самостоятельную и ответственную работу, имеющие высшее образование или равнозначные практические знания, например, главные конструкторы, торговые и технические руководители отделов – от 400 до 600 руб. в месяц;
 - руководители, которым доверено руководство мелкими и средними фабриками, – до 800 руб. в месяц.
- Работницы-женщины получают 80 % от ставок, указанных в п. I и II. Евреи получают 80 % от ставок, указанных в п. I–III.

При аккордной, от выработки, системе труда работники средней производительности при проявленном прилежании могли получить на 20 % больше, чем при почасовой оплате, а при очень старательной работе возможна была выплата и более высокого вознаграждения – до 50 % больше, чем при почасовой оплате.

Кто по собственной вине лишился аккордного принципа работы, при переходе на почасовую оплату получал низшее вознаграждение.

В том же распоряжении определялась оплата за фурманки: за двуконные – 2 руб. за час; одноконные – 1,5 руб. за час [4, 12].

Женщины на заводах получали 100–150 руб., мужчины 300–500 руб. [5, Л. 2–5]. Зарплаты едва ли хватало на обеспечение семьи минимальным продовольствием.

Несмотря на маленькую зарплату на заводах, поступало большое количество заявлений с просьбой найма на работу. Об этом нам свидетельствуют данные, что за 1941 г. на фанерный завод «Тоболь» г. Пинск, поступило 516 заявлений [6, Л. 3].

Следует упомянуть, что вначале на оккупированной территории изымались советские деньги (рубли) и вводились *эрсцендэнги*: сначала эрзацрубли, потом – эрзацмарки. В последующем эрсцендэнги сменились на территории рейхскомиссариата *карбованцами*.

Одной из важных форм борьбы против оккупационного режима на захваченных территориях являлось массовое сопротивление населения экономическим и политическим планам германских властей. Жители городов и деревень всеми возможными средствами срывали мероприятия захватчиков по восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Многие уклонялись от выполнения трудовой повинности, отказывались вербоваться на работу в «третий рейх». Рабочие многих предприятий по возможности портили оборудование, выводили из строя станки, орудия труда, технику.

Итак, реализовать экономическую политику в полном объеме захватчики не смогли, так как большая часть населения относилась к ней негативно.

Политика оккупантов в области медицины. На территории Брестской области до вторжения немецко-фашистских захватчиков действовали 31 больница и 1 родильный дом, кроме того, имелось фельдшерско-акушерских пунктов – 35, санитарно-эпидемических станций – 9, специальных сельских врачебных пунктов – 23. Население обслуживалось высококвалифицированными медицинскими кадрами, имелось: 283 врача, среднего медицинского персонала – 555. Население обслуживалось детскими яслями. Широко была развёрнута сеть аптек, аптечных пунктов и магазинов гигиены [3, Л. 3].

С приходом немецко-фашистских оккупантов большая часть больниц была уничтожена, но некоторая часть продолжала свою работу. О режиме работы больниц и поликлиник можно судить на примере Арийской поликлиники города Пинска.

Рабочий персонал состоял из 7 врачей и 5 человек среднего медицинского персонала. Стоит отметить, что в этой поликлинике вместе работали врачи разных национальностей: русские (А. Михайлов – педиатр, Данилевич – терапевт), белорус (Дылевский – хирург), немец (Б. Хражановский – терапевт), поляк (Якушенков – стоматолог). По документам рабочий день составлял 8 часов, приём населения осуществлялся с 9 до 14 часов. В среднем за месяц принималось 200 пациентов, но иногда цифры превышали 500 человек, как, на-

пример, в августе 1942 г. в стоматологическом кабинете было принято 522 человека.

Медицинские работники в зависимости от занимаемой должности получали определённое количество картофеля на год. Так, например, главный врач Арийской поликлиники г. Пинска получал 216 кг, а медицинская сестра Бачинская 60 кг. В среднем врачи получали по 108 кг на год. Зарплата работников была не очень большая в сравнении со стоимостью продуктов и составляла 300 руб. [7, Л. 1, 2, 5, 7, 15].

Следует отметить, что лечение любых болезней, среди которых чаще всего встречался катар желудка (гастрит), велось усиленным питанием (прописывались овсяная, манная, гречневая каши) – об этом свидетельствуют многочисленные выписываемые врачами справки и рецепты, находящиеся в архивных фондах. А на получение продуктов жителям было необходимо писать заявление в городское управление. Например, в своём заявлении Генрих Лесевич просит дать распоряжение выдать манной крупы для питания больных детей [8, Л. 82].

Тяжёлые условия жизни населения Брест-Литовского округа привели к эпидемии тифа. Лекарств не хватало. Немцы были вынуждены наладить элементарное медицинское обеспечение районов. О катастрофическом положении свидетельствует выписка из доклада окружного комиссара Брест-Литовска, в которой говорится об эпидемии тифом и особенно катастрофическом положении в Домачевском районе. Больницы настолько переполнены, что больные лежали по двое в одной кровати. Зарегистрировано 50 случаев заболеваний и уже одна смерть 18-летней девушки.

В мае 1943 г. проводилась массовая вакцинация населения от оспы. В первую очередь и в обязательном порядке вакцинировали медицинских работников, работников парикмахерских, пекари, а так – же работников детских садов. Затем вакцинации подвергались дети от 1 до 7 лет. Так, за май было вакцинировано 1 433 ребёнка младшего возраста. Уже в конце 1943 г. дети от 3 до 9 лет были подвергнуты ревакцинации. Интересен тот факт, что вакцинация детей проводилась бесплатно [9].

Работники всех фабрик платили ежемесячный взнос в размере 3 % от заработной платы в фонд сбора Больничной кассы, средства которой шли на оплату медицинского осмотра рабочих фабрик, заводов и лечения в случае травм и болезней.

Документы и факты свидетельствуют о низком уровне оказания медицинской помощи местного населения и о катастрофической нехватке лекарств и необходимых препаратов.

Политика оккупантов в области образования. До оккупации на территории Брестской области работало 323 школы, в которых в 1–4 классах обучался 84 451 ученик, в 5–7 классах – 21 576 учеников, в 8–10 классах – 2 125 учеников. Обучение велось на украинском, белорусском, польском и еврейском языках. Работало 55 библиотек с 424 000 книг [3, Л. 24].

На белорусской территории в составе рейхскомиссариата «Остланд» государственными языками были объявлены немецкий и белорусский, на территории рейхскомиссариата «Украина» – немецкий и украинский.

Средние и высшие учебные заведения были закрыты. Немцы разрешали иметь только ремесленные школы для юношества и начальные для детей. Поэтому в школах учились только дети младшего школьного возраста.

7 марта 1942 г. распоряжением властей были закрыты старшие классы семиклассных школ в связи с тем, что возраст детей ограничивался 7–11 годами. Однако из-за того, что в предыдущие годы принимались дети не с 7, а с 8 лет, и за три года они не могли закончить четырёхклассной школы, до конца учебного года было разрешено учиться и 12-летним ученикам для того, чтобы они могли окончить четырёхклассную начальную школу.

В Бресте осенью 1941 г. было открыто 13 школ. Из них 3 – украинские, 6 – польских, 3 – русские, 1 – белорусская.

По сводкам школьного инспектора *Брест-Литовского областного округа*, в мае 1942 г. в Брест-Литовске работали 3 украинские начальные школы, украинская техническая и ремесленная школы. На территории округа, который включал 5 районов, существовало 174 школы. Из них 164 – украинские и 13 – польские. Среди 352 учителей украинцев было 283. Часть составляли русские, поляки и бе-

лорусы. В связи с тем, что учителей, которые могли преподавать на украинском языке, не хватало, во всех районах были организованы учительские курсы украинского языка и методики. С началом нового учебного года планировалось открыть однолетние учительские курсы для молодёжи, которая закончила 6 – 7 классов советской школы.

В Брестском сельском районе Брест-Литовского областного округа в Тельмовской, Каменецкой и Жировицкой волостях на 16 марта 1942 г. работали школы в следующих деревнях: Тельмы – 2 учителя (девушки 24 и 26 лет); Каменница-Журовецкая – 4 учителя (от 20 до 41 года, со стажем в 2 года); Заболотье – 1 (девушка 21 года); Каменница-Бискупская – 2; Косичи – 2 (19 и 20 лет); Щебрин – 2 учителя; в Збигогах – 3 учителя; Чернях – 4; Тришине – 3; Вычулках – 1; Речице – 3; Адамкове – 4. Были школы в Герсонах и Пугачёво [2, с. 182]. Итого – 31 учитель на 14 школ, тогда как, согласно материалам о народном образовании, в Брестском районе к 17 сентября 1940 г. было создано 60 школ [2, 146]. Как видим, не только количественный, но и качественный состав школ оставлял желать лучшего – учителей мало, да и то неквалифицированных в своем большинстве.

В имении Колпин Домачевского района Брест-Литовского областного округа открыли окружную *сельскохозяйственную школу*. В связи с уничтожением еврейского населения, которое традиционно занималось ремеслом, в Домачеве открыли *мастерские для подготовки* швей, портных, столяров, кузнецов, столяров и др.

В указе Брест-Литовского комиссара от 20.10.1941 г. описывается механизм создания национальных школ: родители записывали детей в учебное заведение согласно национальной принадлежности и исходя из желания учиться на одном из разрешённых языков преподавания (белорусский, русский, польский или украинский). Например, только 6 человек высказали своё желание обучаться на украинском языке. Для начала власти ограничились введением украинского языка в качестве обязательного предмета во всех школах города и области. При этом возникли некоторые трудности. Окружной инспектор обратил внимание властей на отсутствие учебников на украинском языке, соответствующих знаний и учителей, а так же нежелание детей учить новый язык [10, 94].

Долгий зимний перерыв 1942 г. заставил продолжить занятия до 1 июля. Для большего выполнения работы урок продолжался 50 минут при 10-минутном малом и 20-минутном большом перерывами. Занятия начинались в 8 и заканчивались в 13 часов. Это давало возможность в некоторых школах, в которых не хватало помещений, проводить обучение в две смены при дневном освещении. В школах как отдельный предмет вводилась религия.

Насколько тяжело было учиться в военные, как в последующем в послевоенные годы, можно судить по воспоминаниям жительницы деревни Демьянчицы Гиско Лидии Ивановны 1930 года рождения: «Была всего одна школа на четыре деревни (Малая Турна, Большая Турна, Пелище, Демьянчицы), которая находилась в д. Пелище. Желающих обучаться было много, а вот учителей и книг было мало, в классе было по 30 человек, выдавали по две книги на класс. Часто случалось так, что в младших классах вели старшеклассники, которые смогли получить хоть какое-то образование до войны».

Политика оккупантов в области идеологии и культуры. Только репрессивными методами реализовать оккупационную политику было сложно. Чтобы привлечь местных жителей на свою сторону, захватчики и лидеры белорусского коллаборационизма делали некоторые шаги по устройству социальной и культурно-общественной жизни. За лояльное отношение к оккупационным властям местному населению обещались выплаты материальной помощи, небольших пенсий. Организовывались школы, детские сады, учреждения культуры и церкви. Делалось это с целью усиления идеологического влияния и, конечно же, под жестким контролем оккупантов.

Германская администрация стремилась продемонстрировать жителям захваченных регионов превосходство национал-социалистической идеологии, достижения в области немецкой культуры. Широко пропагандировалась освободительная миссия вермахта, его желание возродить белорусскую национальную культуру.

Проукраинская и пробелорусская политика оккупационных властей на территории рейхскомиссариатов «Украина» и «Остланд» разрешила населению развешивать культурно-просветительную деятельность. В октябре 1941 г. была создана *Белорусская народная*

самопомощь (БНС), которая должна была заниматься вербовкой и вывозом населения на принудительные работы в «третий рейх», организацией военного дела, школьного образования, здравоохранением, культурой и пропагандой германского нацизма. В рамках БНС уже в 1941-1942 гг. работали *комитеты взаимопомощи* в Бресте, Лунинце, Иванове, Дрогичине. Они состояли из *отделов*, которые контролировали образование, охрану здоровья, сельское хозяйство, почту и т. д. Комитеты развернули широкую культурно-просветительную деятельность, которая включала в себя: 1) организацию и содержание учебных заведений; 2) открытие библиотек, музыкальных, драматических, танцевальных и спортивных кружков; 3) организацию и проведение культурных мероприятий; 4) назначение стипендий бедным ученикам.

На захваченной территории издавалось и распространялось большое количество газет, журналов и листовок, которые можно разделить на три группы: 1) издаваемые оккупационными немецкими властями; 2) издаваемые белорусскими националистами (БНС, БРД, БЦР); 3) советскими подпольщиками.

Газеты, издаваемые и распространяемые в генеральном округе Вольный-Подолля, относящиеся к рейхскомиссариату «Украина» (на территории Брест-Литовского, Пинского, Кобринского и Столинского областных округов) [11, 12, 13, 14]:

- Наше слово. Орган окружного комиссара в Бресті. Brest-Litowsk, 1942–1944 гг.
- Пінська газета. Орган окружного комиссара в Пінську. – Пінськ, 1942–1944 гг.
- Українські голас. – Луцк, 1942 г.
- СУРМА. Орган організації українських націаналістів. Место издания на указано, 1941 и др.

Газеты, издаваемые и распространяемые в генеральном округе Беларусь, входящем в рейхскомиссариат «Остланд» (на территории Барановичского и Ганцевичского областных округов) [15, 16, 17, 18, 19, 20]:

- СЛОНІМСКАЯ ГАЗЭТА. – СЛОНІМ, 1944.
 - Новы путь. – Барановичы, 1944 г.
 - Беларуская газета. – Minsk, 1943г.
 - BARANOWICKAJA HAZETA. – Baranowicy, 1943-1944 гг.
 - ГАЗЭТА. – Baranowitschi, 1943-1944.
 - Голас вёскі (газета беларуских сялян). – Менск, 1943-1944 гг. и др.
- Распространялись на территории Брестчины и газеты немецкой полевой почты (Фельпост) [21, 22, 23, 24]:
- Добровolec – газета войск освободительного движения. FELDPOST № 28264, 1943-1944гг.
 - Новое время. FELDPOST № 30952, 1944 гг.
 - Руль. Русский антибольшевистский листок. FELDPOST № 38925, 1944 г.
 - Фронтной листок для добровольцев. Газета войск освободительного движения. FELDPOST № 30952, 1944 г.

В Брестском областном архиве также можно прочитать и газеты, издаваемые в Германии для белорусов, например, газету «Раніца» (Беларуская газета ў Нямецчыне. – Berlin, 1941-1944 гг.) [25].

В Брест-Литовске в 1942-1944 гг. на немецком и украинском языках (часть статей издавалась на немецком, часть – на украинском) издавалась газета «Наше слово». Газета носила антисоветский характер. Её страницы, как и страницы других газет, выпускаемых оккупантами и коллаборационистскими организациями, пестрели карикатурами Сталина. Приводились факты оказания белорусским жителям финансовой помощи из фонда немецкого Красного креста. В газете писали, что советских солдат совершенно не кормят, в то время как немецкий солдат всегда полон сил от хорошего питания. Во всех выпусках газеты утверждается, что советские солдаты крайне трусливы и массово сдаются в плен. Читателям внушалось, что у А. Гитлера исключительно положительные намерения по отношению к жителям белорусских земель, а остербайтерам в Германии живётся очень хорошо – для них создаются все необходимые условия жизни. Сообщалось, что на территории Беларуси организовываются театры и клубы (к примеру, в Малорите создан хор из местных жителей), молодёжь ходит в кинотеатры, а горожане после обеда отдыхают и читают свежий номер газеты. Несколько рубрик посвящались быту читателей, среди строчек которых можно прочесть большое

количество советов по ведению хозяйства, например, как из картофеля получить крахмал.

В газете «Наше слово» от 2 января 1944 г. появляется отдельная рубрика, посвящённая Брестчине. В рубрике даются сведения о жизни людей, о суммах, которые тратит немецкое правительство на белорусский народ. Например, за январь месяц было выдано 18 700 бесплатных обедов, 11 056 – по сниженной цене, 11 000 рублей было выделено на закупку лекарств.

По воспоминаниям жительницы Брестского района Гиско Лидии Ивановны хотя газеты и носили антисоветский характер и не отражали действительность, но жители всё равно с большим нетерпением ждали их – покупалась одна газета на деревню и передавалась от дома к дому. Вспоминается Лидией Ивановной случай, когда немцы предложили вместо газеты корзину хлеба, но народ отказался от хлеба, так как даже когда с питанием были большие проблемы, люди в первую очередь думали о ситуации на фронте.

Одним из проявлений насаждения фашистской идеологии стало введение новых праздников – день рождения фюрера, празднование годовщины нападения Германии на СССР.

В программу колониальной немецкой политики входило благосклонное отношение к *местной церковной жизни*. Немецкие военные власти в восточных областях Беларуси содействовали восстановлению церковной жизни, оказывали помощь в открытии церквей (возобновили работу 1044 православных прихода, действовали 3 монастыря, были открыты [1, 120]) и помещения для совершения богослужений, выдавали священникам удостоверения, позволявшие им беспрепятственно исполнять душепастырские обязанности среди верующих. Разрешалась деятельность униатской церкви и некоторых сектантских общин. Осуществлялась подготовка священников. Однако большинство белорусского духовенства не пошло на сотрудничество с оккупантами.

30 августа 1942 г. состоялся Всебелорусский собор Православной Церкви. С разрешения генерального комиссариата Беларуси митрополит Пантелеймон получил возможность возглавить Белорусскую Православную Церковь и учредить митрополичью кафедру в Минске. Однако, предоставляя все эти возможности, немецкие власти строго контролировали деятельность духовенства.

В церковной жизни генерального округа «Беларусь» была проведена белорусизация. Церковная канцелярия велась на белорусском языке. Священники произносили проповеди в церкви и с прихожанами разговаривали на белорусском языке. Богослужения совершали по-церковнославянски. Закон Божий в школах был запрещен немцами. Таким образом *требование белорусизации Церкви сводилось к нулю*, оставаясь фразеологией, рассчитанной на внешний эффект для немцев, не знавших белорусской действительности.

Характерным документом, свидетельствующим о произволе БЦР в делах Православной Церкви в Беларуси, является распоряжение президента Островского с требованием, чтобы все назначения, перемещения и увольнения лиц духовного сана проводились епархиальной властью после согласования с отделом вероисповедания БЦР и чтобы все кандидаты в духовный сан представлялись в тот же отдел БЦР за две недели до рукоположения. Это распоряжение ставило Православную Белорусскую Церковь и ее иерархию в полную зависимость от светской власти [26, Ч. 3].

Оккупационный режим на Брестчине проявил себя в крайне тяжелых формах. Об этом нам свидетельствуют такие факты, как обязательная трудовая повинность, реквизиция, непосильные денежные и натуральные налоги, а также катастрофическая нехватка медикаментов и персонала в больницах, закрытие высших и средних школ, расстрелы русских учителей, нехватка учебных пособий и книг в школах, отсутствие свободной периодической печати, освещающей реальные положение вещей. Оккупационные власти значительное внимание обращали на развитие периодической печати как средство воспитания молодежи в духе национал-социализма, агитации и пропаганды политики оккупационных властей. Большие потери понесли учреждения науки, библиотеки и музеи, разграбленные и уничтоженные Вермахтом и СС.

О развитии здорового белорусского национализма в период оккупации не стоит говорить хотя бы в силу того, что не возможно в национальном самосознании сочетать несочетаемое – выступление

детской художественной самодеятельности в доме офицеров, вручение Готтбергом учебников детям-колядникам и одиноко висящий на дереве в сквере напротив труп повешенной партизанки.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории Брестской области была организована комиссия по учёту ущерба, принесённого оккупантами, и расследованию злодеяний (основана в 1944 г.). В комиссию за послевоенное время поступило более 50 000 заявлений от мирного населения о просьбе вернуть их имущество за счёт фашистской Германии, учтено, что только в Брестской области сожжено 949 человек и 300 человек детей.

В результате проведённого учёта причиненного материального ущерба немецко-фашистскими захватчиками по области составлено 53 877 актов на сумму 9 772 576 тысяч рублей, в том числе 90 актов, поступивших от колхозов 14 районов на сумму 270 454 тысячи рублей 681 акт от учреждений культуры на 158 635 тысяч.

Областной комиссией установлено, что немецко-фашистские захватчики и их сообщники уничтожили 19 268 и частично 1 343 жилых домов, 32 591 животноводческая постройка, 5 007 магазинов и складов [3, Л. 55].

На территории Брестского района (в сегодняшних границах) существовало до войны 11 460 дворов, во время войны было уничтожено 3010 дворов. Это одна четвертая всех дворов, что не могло не сказаться на сельском хозяйстве региона.

Огромные людские и материальные потери – это последствия установления оккупационного режима с его фашистской идеологией. Политика фашистов не соответствовала ни национальным, ни государственным, ни экономическим интересам белорусов, так как основывалась на преступной расовой идеологии.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2005. – 271 с.: ил., карт.
2. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэст. раёна. – Мн.: БЕЛТА, 1998. – 574 с.
3. Доклад об итогах учёта ущерба и расследования злодеяний немецких оккупантов: ГАБО. – Ф. 514. – Оп.1. – Д. 4.
4. Сарычев, В. В поисках утраченного. Рейхскомиссариат «Украина» // Вечерний Брест. – 15 января 2010 г. – № 4 (1638). – С. 12.
5. Ведомости на выдачу зарплаты служащим и рабочим лесопильного завода в Барановичах: ГАБО. – Ф. 677. – Оп. 1. – Д. 4.
6. Государственный архив Брестской области. Фонд 2153. Опись 1. Дело 6: «Фанерный завод «Тоболь» Пинского отделения леса, древесины и охоты Генерального Комиссара Волыни и г. Пинска».
7. Пинская городская больница Пинского окружного комиссариата: ГАБО. – Ф. 2181. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Справки, выдаваемые больным на предмет получения ими продуктов и медикаментов: ГАБО. – Ф. 2181. – Оп.1. – Д. 81.
9. Списки населения, прошедшего медицинский осмотр: ГАБО. – Ф. 2181. – Оп. 1. – Д. 90.
10. Крывашэй, Д.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.) / Д.А. Крывашэй. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – 198 с.
11. Наше слово. Орган окружного комиссара в Бресті. – Brest-Litowsk, 1942–1944.
12. Пінська газета. Орган окружного комісара в Пінську. – Пінськ, 1942–1944.
13. Українські голас. – Луцк, 1942.
14. СУРМА. Орган організації українських націоналістів. Место издания не указано, 1941.
15. СЛОНІМСКАЯ ГАЗЭТА. – СЛОНІМ, 1944.
16. Новы путь. – Барановічы, 1944.
17. Беларуская газета. – Minsk, 1943.
18. BARANOWICKAJA HAZETA. – Baranowicy, 1943–1944.
19. ГАЗЭТА. – Baranowitschi, 1943–1944.
20. Голас вёскі (газета беларускіх сялян). – Менск, 1943–1944.
21. Доброволец – газета войск освободительного движения. FELDPOST № 28264, 1943–1944.

22. Новое время. FELDPOST № 30952, 1944.
23. Руль. Русский антибольшевистский листок. FELDPOST № 38925, 1944.
24. Фронтовой листок для добровольцев. Газета войск освободительного движения. FELDPOST № 30952, 1944.
25. Раница. Беларуская газета ў Нямецчыне. – Berlin, 1941–1944.
26. Архиепископ Афанасий Мартос. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Ч. 3: Положение Беларуси под немецкой оккупацией Интернет-версия. – Издание третье, испр. и доп., 2003 г. // <http://www.holytrinitymission.org/> 12.12.2009.

Материал поступил в редакцию 22.10.10

IPATOVA O.V. Politics german-fascist occupier on Brest in the field of economy, culture, education and medicine

Since august 1941 till july 1944 in territory of Brest region there was established by fascist invaders "a new order" – system of military, political, ideological and economic actions, a terror mode that provided eradication of Bolshevik ideology and the Soviet political system, creation of conditions for the most effective robbery of local resources in favour of Germany. The invaders conducted agitation work among local population. With that end in view there were published a lot of newspapers and leaflets, were opened schools, theatres, churches, youth unions the which should become conductors of the nazi ideology. The holle of this activities of an agitation, cultural-mass and religious policy has been directed on strengthening of the occupational mode the aim of which was dedicated a realisation of military-economic plans of nazi Germany.

УДК.330.8 (476)

Ковалёва Н.Н.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. В ТРУДАХ М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО

Введение. Исследование специфики экономического развития западных регионов Беларуси предполагает изучение трудов учёных, которые обращались к проблемам экономической истории Беларуси. Видный белорусский историк, экономист, этнограф М.В. Довнар-Запольский, являющийся автором обобщённого труда «Гісторыя Беларусі» и работ, специально посвящённых проблемам экономической истории Беларуси¹, осуществил достаточно глубокий анализ экономического развития белорусских земель в период от отмены крепостного права и до середины 20-х гг. XX в. Учитывая, что, в работах Довнар-Запольского все приводимые по западным регионам факты касаются Гродненской и Виленской губерний в целом, а не их белорусских уездов², сложно вычленив из приведённых источников то, что касается западных регионов предвоенного периода (1880 – 1914 гг.). В виду этого, возможны некоторые погрешности в используемых фактических данных. Однако, на наш взгляд, это не даёт оснований ставить под сомнения выводы об общих тенденциях экономического развития региона.

М.В. Довнар-Запольский оценивает перспективы и итоги экономического развития Беларуси, прежде всего, исходя из «физико-географических факторов». «Среди этих факторов, – пишет учёный, отсутствуют те резкие различия природных условий, на которые указывает Маркс, как на известного рода импульс к общественному разделению труда и как на условия, способствующие зарождению обмена» [2, 7]. Однотипность равнинного ландшафта Беларуси, по мнению учёного, предопределила аграрный характер экономики. В то же время преобладание подзолистых малоплодородных почв, наличие значительных заболоченных территорий превращало занятие сельским хозяйством для местного населения в трудоёмкий и малодоходный процесс. Автор даёт лишь общую характеристику почвенного облика края, между тем, по данным специальных исследований, «Ковенская, Виленская и Гродненская губернии имели почву более плодородную, суглинистую» [3, IX].

Однотипность равнинного ландшафта и однородность занятий населения, по мнению учёного, не способствовала долгое время появлению промышленного центра, куда могло бы стекаться избыточное сельское население. В Беларуси была дешёвая рабочая сила, но отсутствовал центр, возникший в месте скопления природных богатств, в месте удобном для развития тяжёлой промышленности, в частности, металлургии и даже не возникло единого центра, который мог бы господствовать над путями сообщения. В Беларуси «до советской власти отсутствовал даже такой естественный центр тяготения, как столица». Культурный центр белорусских земель Вильно, не смог стать политическим и экономическим центром ввиду «неудобного географического положения (изолированный и мелкий водный путь и крайнее положение)» [2, 8]. Однако для белорусских земель, изрезанных водными артериями, благоприятное значение всегда имели водные пути сообщения. «В своём историческом прошлом, Белоруссия охватывала систему верхнего Днепра до устья Припяти, всю систему последней с северными притоками, систему Немана, Западной Двины и соединялась с системой Вислы» [1, 13]. Причём «Виленский, Гродненский и Минский районы своими товарами и импортом тянули к Неманской системе» [4, 325].

Активное развитие путей сообщения, начавшееся в конце XVIII века, в особенности строительство железных дорог, предпринятое правительством России, начиная с 60-х гг. XIX века, стимулировало повышение товарности хозяйства белорусских земель, т. к. через белорусские земли пошёл транзит товаров между обеими столицами и Польшей. Естественно, в работе, написанной в 1928 г., учёный мог только очень осторожно высказаться о выгодах такого положения довоенной Беларуси, ввиду того, что отторжение части белорусских земель по Рижскому миру 1921 г. ограничило возможности экспорта товаров в западном направлении.

С точки зрения учёного, на экономическое развитие Беларуси воздействовали и политические факторы: нахождение в сфере польского влияния, когда белорусские земли представляли собой восточную окраину сельскохозяйственного характера и «последующее завоевание белорусских земель царской Россией» (имеются в виду разделы Речи Посполитой). «Промышленность развивалась в Москве и в Варшаве. В Беларуси не было ни промышленных центров, ни капиталов, и она оказалась в положении рынка для варшавских и московских изделий» [2, 8]. Возможно, этот акцент на колониальную по отношению к Беларуси политику России стал одной из причин того, что подготов-

¹ М.М. Довнар-Запольский. *Народное хозяйство Белоруссии*. – Минск: изд-во Госплана БССР, 1926; *Экономическая география СССР / под ред. М.Б. Вольфа и Г.А. Мебуса. Разд. СССР по районам. Западная область (Белорусская ССР и западная область РСФСР) / сост. проф. М.В. Довнар-Запольский*. – Москва–Ленинград: госуд. изд-во, 1928.

² Доктор исторических наук В.П. Панютин выделяет три отличающихся в социально-экономическом отношении региона в дореволюционной Беларуси: Восток, Центр и Запад. К Западу он относил белорусские уезды Гродненской (Брестский, Кобринский, Гродненский, Пружанский, Волковысский, Слонимский) и Виленской губерний (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский) [1, 5].

Ковалёва Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.